

ше ств ить задачу этого великаго и жизненнаго служенія онъ будетъ въ состояннн только при живѣйшемъ участнн и соработничествѣ всѣхъ, кому дорогъ журналъ, кому близки и святы цѣли, поставленные имъ. „Вѣстникъ“ ждетъ отъ всѣхъ своихъ друзей-читателей и работниковъ прежде всего особаго усилнн, какъ въ смыслѣ поддержки журнала (и духовно и матеріально), такъ и въ смыслѣ принятнн чрезвычайныхъ мѣръ по распространеннн „Вѣстника“, по привлеченнн къ нему новаго круга читателей и подписчиковъ.

Тамъ, гдѣ за это дѣло берутся съ дѣйствительной энергнн, относятся къ нему, какъ къ долгу миссiонерскаго служеннн, тамъ усилнн всегда оправдываются.

Количество подписчиковъ журнала нигдѣ еще не достигло своего максимума. И достичь этого—наша задача.

Въ виду колебаннн валютъ, пришлось въ качествѣ единицы для опредѣленнн подписной платы остановиться на американскомъ долларѣ, являющемся въ настоящее время, повидимому, одной изъ наиболѣе устойчивыхъ денежныхъ единицъ.

Съ вѣрой въ помощь Божнн, съ надеждой на отзывчивое и энергичное соработничество всѣхъ, кто знаетъ и любитъ нашъ журналъ, „Вѣстникъ“ вступаетъ въ новый годъ своего существованнн и вѣрнтъ, что Новый годъ будетъ годомъ успѣха и роста работы.

Новый этапъ въ жизни Движеннн.

Въ предыдущей статьѣ я говорилъ о первыхъ двухъ этапахъ въ жизни Движеннн и характеризовалъ ихъ тѣми лозунгами, которые были тогда выдвинуты*). Первый этапъ связанъ съ идеей „оцерковленнн жизни“, второй—съ идеей „православной культуры“. По существу вторая формула есть просто иное выраженнн того, что заключалось въ понятнн „оцерковленнн жизни“, но въ то время, какъ это понятнн можетъ быть толкуемо и въ узкомъ и широкомъ

*) „Вѣстникъ“ № VIII—XI 1935 годъ.

смыслъ, можетъ быть примѣняемо и къ частной и къ общественной жизни, идея православной культуры категорически и настойчиво устанавливаетъ требованіе имѣть въ виду всѣ сферы жизни и частной и общественной. Понятіе православной культуры имѣетъ въ виду проникновеніе церковности во всѣ формы жизни, во всю полноту творческой дѣятельности человѣка. Здѣсь идетъ рѣчь не только о личномъ связываніи всей дѣятельности нашей съ Церковью, не только объ освященіи силами Церкви всѣхъ начинаній и трудовъ человѣка, но и объ объективномъ содержаніи культуры. Въ понятіе „церковной культуры“ входитъ научное, художественное, социальное, политическое, и иное творчество,—и дѣло здѣсь не только въ томъ, чтобы ученые, художники, общественные и политическіе дѣятели въ своемъ сознаніи, въ своей совѣсти стремились освѣтить свѣтомъ Церкви, согласовать съ духомъ и ученіемъ Церкви то, что строятъ они, какъ планы своей работы. Построеніе православной культуры включаетъ въ себя не одно это субъективное „оцерковленіе“, но и реальное раскрытіе въ объективной жизни христіанскихъ началъ.

Не менѣе важенъ другой моментъ, молчаливо включенный въ программу „оцерковленія жизни, но выдвинутый и подчеркнутый въ идеѣ православной культуры съ особенной силой. Я имѣю въ виду то, что въ идеѣ „православной культуры“ съ полной опредѣленностью ставится тема культуры. По существу — Церковь всегда была источникомъ культурнаго творчества и вдохновенія, но въ исторіи Церкви не разъ бывали эпохи, когда тема культуры отодвигалась въ тѣнь или даже отбрасывалась. Въ томъ религіозномъ движеніи, которое съ огромной силой пробудилось въ русской душѣ послѣ революціи, была (и донныя есть) рядомъ съ цѣннѣйшими его чертами опасность видѣть въ Церкви нѣкоторую наджизненную и внѣжизненную сферу, гдѣ смолкаютъ всѣ „суетныя“ и злободневныя исканія, гдѣ душа живетъ лишь „вѣчными глаголами“.

Психологически это не только понятно, но часто и вполне вѣрно, поскольку начало церковности дѣйствительно освобождаетъ отъ суеты текущей жизни и углубляетъ наше сознаніе. Однако, Церковь никогда не стремится оторвать насъ отъ жизни въ ея существѣ, а наоборотъ указываетъ намъ путь какъ христіански осмыслить свою жизнь, какъ въ духѣ Христовомъ разрѣшать ея проблемы. Небреженіе къ культурѣ и уходъ отъ нея не имѣютъ никакихъ корней въ Церкви, а восходятъ въ своемъ основаніи къ

нашей психології, къ зигзагамъ и колебаніямъ нашихъ настроеній.

Поскольку наше Движеніе твердо и опредѣленно истолковало свою первую идею оцерковленія жизни, какъ идею православной культуры, оно вышло на новый, очень отвѣтственный и въ то же время — творческій путь. Въ этой новой формулировкѣ путь Движенія характеризуется взятіемъ на себя огромной, коистинѣ, „эпохальной“ задачи, ибо провозглашеніе идеи православной культуры есть провозглашеніе новаго творческаго пути. На мѣсто идеи нейтральной культуры и безрелигіознаго ея построенія, здѣсь прямо и открыто исповѣдуется, что культура должна искать своего вдохновенія, своей опоры въ Церкви, что на мѣсто тѣхъ историческихъ граней, въ которыхъ опредѣлилась жизнь въ западномъ христіанствѣ, мы стоимъ за построеніе культуры въ духѣ и свѣтѣ Православія, т. е. на началахъ свободы, соборности, космизма въ пониманіи міра, свѣта и вѣры въ человѣка.

Самая программа православной культуры въ исповѣданіи ея идеи еще не обозначена. Движеніе поставило себѣ грандіозную задачу, недостаточно опредѣливъ ея конкретный смыслъ, — но прежде чѣмъ перейти къ этой задачѣ, оно должно было съ достаточной глубиной понять само Православіе, т. е. понять его вселенскій характеръ. Тема православной культуры никоимъ образомъ не можетъ быть понята въ границахъ одной русской жизни, поскольку эта тема ставится въ противовѣсъ цѣлой міровой эпохѣ, она сама неизбежно принимаетъ тоже міровой, вселенскій характеръ.

Мы пришли бы неизбежно къ этому черезъ естественную діалектику нашихъ исканій, но Движенію нашему дано было очень рано пережить такіа событія, которыя поставили вопросъ о преодолѣніи узко-національнаго пониманія Православія съ очень большой остротой. Я имѣю ввиду съ одной стороны т. наз. экуменическую работу Движенія, а съ другой все возрастающее сближеніе съ другими православными народами.

Оба эти процесса и опредѣлили наше вступленіе въ третій этапъ — служенія дѣлу Вселенскаго Православія.

Къ бѣглому характеристикѣ этого вступленія нашего Движенія въ новый этапъ мы и перейдемъ теперь.

Встрѣча съ инославными была для Движенія столь же радостью, сколько и трудностью. Ощущеніе подлинной и глубокой вѣры во Христа Спасителя у протестантовъ, у англиканъ было источникомъ особой радости о полнотѣ и силѣ Православія, укрѣпляло и съ новыхъ сторонъ освѣщало его правду и богатство. То, что отъ славянофиловъ вошло въ традицію русскаго религіознаго сознанія, — утвержденіе синтетической цѣлостности Православія — выступало съ особой яркостью на фонѣ западнаго христіанства. Экуменической опытъ для насъ — Православныхъ — есть постоянное и незамѣнимое свидѣтельство правоты и полноты, красоты и цѣлостности Православія. Но тотъ же экуменической опытъ остро и неустранимо ставитъ вопросъ о нашемъ долгѣ по отношенію къ Западному Христіанству. Сознаніе цѣнности Православія съ абсолютной неизбѣжностью выдвигаетъ тему свидѣтельства объ этомъ передъ лицомъ запада. Трагедія христіанскаго раздѣленія потому и есть трагедія, что въ основѣ его лежатъ очень глубокія расхожденія, и если намъ, Православнымъ, дано было сохранить истину въ ея полнотѣ, то тѣмъ болѣе именно отъ насъ должно ожидать творческой любви для преодоленія трагедіи христіанскаго міра. Именно экуменической встрѣчи не позволяютъ остаться при простомъ констатированіи нашихъ различій съ западнымъ христіанствомъ, но требуютъ отъ насъ творческаго и братскаго усилія къ тому, чтобы дать и другимъ христіанамъ напитаться отъ правды Православія. Съ особой, непревзойденной силой переживали и переживаютъ это тѣ изъ насъ, кто принималъ участіе въ англо-русскихъ сѣздахъ, остающихся донинѣ высшимъ достиженіемъ, цѣннѣйшимъ даромъ экуменической работы.

Но именно тутъ и встаетъ тема Церкви, столь центральная для нашего Движенія, въ новомъ своемъ свѣтѣ. Движеніе приняло участіе въ мировомъ стремленіи чрезъ экуменическое общеніе къ единству въ Церкви. Уже не оцерковленіе частной жизни и не просвѣтленіе свѣтомъ Церкви системы культуры, но участіе въ разрѣшеніи вѣковой христіанской трагедіи предстало передъ нами, какъ задача Движенія. Но если такъ, то мы должны были неизбѣжно осознать нашу глубокую и существенную связь съ другими помѣстными Церквами. Въ экуменической работѣ мы всегда принимали участіе не какъ русскіе, а какъ православные. Иначе говоря в с е л е н с к о с т ь Пра-

вославія естественно выдвигалась для насъ на первый планъ, и это повелительно требовало отъ насъ тѣснѣйшаго сближенія съ православными братьями нашими. Всѣмъ этимъ нисколько не устранялись тѣ задачи, которыя поставило себѣ Движеніе раньше, только теперь онѣ окончательно и серьезно связывались съ Церковью, какъ вселенскимъ началомъ, а не какъ явленіемъ національной жизни. Не устраняя вѣрности нашей національности, это вселенское сознание подчеркиваетъ, что въ служеніи Церкви мы служимъ не только нашей родной Церкви во всей полнотѣ ея историческаго воплощенія. Прежняя тема оцерковленія жизни, пройдя свое конкретное раскрытіе, какъ тема построенія церковной культуры, здѣсь выступаетъ въ чистой идеѣ Церкви, какъ братскаго объединенія всѣхъ пребывающихъ въ правой вѣрѣ во Христа Спасителя.

Наше Движеніе давно вступило на этотъ путь вселенскаго пониманія своей церковной работы, но оно, естественно, шло и идетъ очень медленно въ живомъ и конкретномъ осуществленіи его. Можно сказать даже больше: мы всѣ постоянно испытываемъ нѣкое внутреннее треніе, какъ бы ощущаемъ какую то „измѣну“ своему дѣлу, когда до конца осознаемъ вселенскій путь Православія. Хотя русское Православіе всегда было свободно отъ провинціализма, однако послѣ революціи въ насъ — вполнѣ естественно—стало сказываться почти болѣзненное, страстное и глубокое стремленіе поставить служеніе національному моменту раньше и выше служенія Православію, какъ вселенскому началу. Хотя и случайно, а все же симптоматично лозунгъ работы Движенія съ эмигрантскимъ юношествомъ („за Русь, за вѣру“) на первое мѣсто выдвигаетъ идею національнаго служенія. Въ этомъ напряженномъ акцентѣ, который ставится на національной идеѣ, сказывается, конечно, не недостатокъ вселенскаго сознания, а острое чувство боли за Родину. И все же — Господь явно указываетъ Движенію путь—трудный и горькій—преодоленія этого психологическаго примата національнаго момента надъ вселенскимъ. Чѣмъ глубже осознаемъ мы то, чего Господь требуетъ отъ насъ, тѣмъ яснѣе становится, что, не устраняя и не оттѣсня на задній планъ великой задачи служенія національному началу, Господь указываетъ Движенію задачу пережить и укрѣпить въ себѣ примать вѣры надъ естественными чувствами, примать вселенскости надъ національной идеей. Не буду распространяться на эту тему, приведу лишь то, что психологически, пожалуй, особенно ярко вскрываетъ указанную идею. Сейчасъ среди большин-

ства русской эмигрантской молодежи национальная идея не только заполняет душу, но по существу принижает религиозную сферу, превращая ее в нѣкій атрибут русской стихіи, въ нѣкую силу національнаго начала. Всѣ, кто близко знаетъ эмигрантскія молодыя организациі послѣднихъ лѣтъ, не смогутъ отрицать этого. Раздѣляя всей душой горячую преданность идеѣ освобожденія Россіи отъ зла большевизма, раздѣляя со всей силой сознаніе долга послужить Родинѣ, мы въ Движеніи очень скорбно и горько переживаемъ то, что во всѣхъ молодыхъ организацияхъ въ эмиграціи замѣчается чисто формальное отношеніе къ религиозной жизни. По существу за формальнымъ признаніемъ „примата духа“ (что очень двусмысленно характеризуетъ религиозную позицію молодыхъ организаций, ибо „духъ“ можетъ быть разный: вѣдь и зло духовно по своей природѣ) мы ощущаемъ полное равнодушіе къ религиозной жизни, къ тому внутреннему „дѣланію“, безъ котораго не можетъ быть надлежащаго духовнаго преображенія. Скажемъ еще рѣзче: въ современныхъ національныхъ молодыхъ организацияхъ, съ ихъ формальнымъ признаніемъ религіи, уже явно замѣчается серьезная опасность для религіознаго возрожденія русскаго народа и Россіи. Все это есть неизбежное слѣдствіе недолжнаго и въ существѣ невѣрнаго слиянія Православія съ „русской стихіей“. Путь русскаго народа, залогъ дѣйствительнаго возрожденія Россіи заключается не въ одномъ внѣшнемъ освобожденіи отъ большевизма, но и въ серьезномъ и глубокомъ поворотѣ къ Церкви, къ оцерковленію жизни, къ построенію православной культуры. Движеніе въ эмиграціи сейчасъ какъ бы отошло въ сторону передъ громкими и шумными проявленіями „активизма“, захватившаго организациі молодежи, но правда основной идеи Движенія (поставленіе въ основу всей работы начала церковности) переживетъ нашу смутную эпоху и возсіяетъ, дастъ Богъ, для всей молодежи. Такъ силой вещей—не охотно, но неизбежно, во внутренней борьбѣ съ собой, но руководясь идеей правды, теряя людей, влияніе, но храня свое основное вдохновеніе—Движеніе вступаетъ въ свой третій этапъ вселенскаго пониманія Православія.

Этотъ третій этапъ нынѣ только открылся въ своей полнотѣ и въ своей трудности. Намъ всѣмъ нужно какъ бы преодолевать себя: неизбежна нѣкоторая тяжесть съ

собою, чтобы до конца понять свой собственный порывъ, свою основную идею оцерковленія жизни. Это оцерковленіе, конечно, есть тамъ, гдѣ въ субъективномъ сознаніи ищется помощь Божія и благословеніе Церкви на наши дѣла. Полнѣе, конкретнѣе и отвѣтственнѣе ставится эта же тема оцерковленія жизни, когда мы выдвигаемъ идею православной культуры, но всей своей полноты и трагической трудности, всей своей силы идея оцерковленія жизни достигаетъ тогда, когда мы до конца осознаемъ вселенскую природу Церкви, когда не Церковь включается въ программу національнаго возрожденія, а самое служеніе Родинѣ изнутри одушевляемо и осмысливаемо изъ этой идеи вселенской Церкви.

Къ этому этапу мы теперь пришли, мы даже частично вступили въ него, но настолько частично, что моя формулировка можетъ многихъ болѣзненно задѣть. Путь Церкви и Правда Ея, сила спасенія, данная Господомъ Церкви, есть единственное наше солнце, въ лучахъ котораго новымъ свѣтомъ свѣтится правда семьи, національнаго начала. Кто любитъ Церковь прежде всего и больше всего, тотъ только и можетъ серьезно стать на путь „оцерковленія жизни“, — но къ этому сознанію всѣ мы приходимъ чрезъ преодоленіе своего церковнаго провинціализма, — и оттого безъ тяжбы съ собою, безъ духовной борьбы не дано никому вступать на этотъ путь.

В. В. Зыньковскій.

Борьба съ адомъ.

(Къ вопросу о вѣчности мученій).

(Продолженіе).

Никто не станетъ утверждать, что все, что существуетъ, должно существовать. Категорія существованія не только не совпадаетъ, но постоянно противоборствуетъ категоріи долженствованія. И мы считаемъ, что тотъ, кто адъ пріемлетъ или съ нимъ примиряется не можетъ называться христіаниномъ. Мы хотимъ бороться съ адомъ, а слѣдовательно предполагаемъ возможность побѣды надъ нимъ. Знаемъ, что есть адъ, но вѣримъ, что онъ можетъ не быть и что онъ долженъ не быть. И эта вѣра наша есть сердце христіанской религіи, ея „благая вѣсть“, ея „радость совершенная“. Мы уповаемъ на то, что адъ упразднится, ибо въ корнѣ своемъ онъ уже побѣжденъ Христомъ. Господь,